

Сидя за компьютером и потягивая остывший кофе из кружки со сколом на ободке, небритый Труфанов не мог избавиться от навязчивой мысли, что жизнь главного героя досматриваемого сериала напоминает его собственную. Якобы такой же равнодушный молодой человек лет тридцати, вынужденно живущий с престарелыми родителями, жаждущий вселенской справедливости, но получающий неизменный отпор от власть имущих и их прихлебателей, из-за чего не может ни работу найти, ни до окружающих достучаться, чтоб прекратили раболепствовать в угоду ничтожным царькам.

Системный блок противно жужжал, взывая к совести пользователя, не считающего нужным чистить встроенный в потёртую серую железяку вентилятор. На кухне гремела посудой мать, намеревавшаяся порадовать мужа его любимой шурпой. Глава семьи должен был через пару часов вернуться с автостоянки, где уже больше года, несмотря на очевидную хромоту, вынужденно подрабатывал: пенсии обоих супругов едва хватало на трёх едоков.

В правом нижнем углу экрана, отвлекая, маячило оповещение. Труфанов поставил сериал на паузу и развернул окошко с чатом. Интернет-пользователи обсуждали мытарства матери трёх совсем ещё маленьких сыновей, брошенной поочерёдно несколькими сужеными-ряжеными-обезображенными и вынужденной ютиться у подруги в крошечной общежитской комнатке, даже не надеясь выбить алименты или дополнительную государственную поддержку.

«О чём вы, барышня? Какое государство? Какая поддержка? – наби-вал Труфанов очередной комментарий на просторах популярной соци-альной сети, где был зарегистрирован под вымышленными именем и фамилией. – Пора бы уже повзрослеть и понять очевидное. Никто в та-ких ситуациях, к сожалению, никакую квартиру не предоставит, день-гами не завалит, по головке не погладит. Это всегда в одни ворота игра. Конечно, чинуши любят байки про важность демографического роста травить. Но здесь точно посоветуют тщательнее партнёров выбирать, а не от властей что-то требовать. Лучше уж молиться, чтоб пацанов в детдом не забрали. Хотя это весьма неплохим выходом из положе-ния может оказаться. Объясню для непонятливых. Без тёмных пятен прошлого, как бы с нуля, молодой девушке будет гораздо проще новые отношения завести. И не исключено, что теперь уже удачно. Конечно, свободных и надёжных мужчин, да чтоб с квартирой, очень мало, но они есть. Присматриваться надо, а не за первых встречных хвататься».

Труфанов рассчитывал поделиться с дискутировавшими ещё не-сколькими, как ему казалось, ценными советами. Но на него накинун-лось с проклятиями целое полчище мамочек, вступившихся за много-детную брошенку. Пришлось покинуть чат и, успокаивая себя мыслями о повсеместной необразованности, продолжить просмотр сериала.

Вскоре вниманием Труфанова завладел возникший из ниоткуда ко-мар-долгоножка. Он искал себе подходящее местечко на стене прямо над монитором. И, немного поплясав, замер, словно примагниченный.

Труфанову, сидевшему на отодвинутой от компьютерного стола крепкой и массивной табуретке, сколоченной отцом задолго до выхо-да на пенсию, захотелось прихлопнуть комара. Но пододвигаться или вставать было лень. Как и насекомому – менять занятую позицию. Тру-фанов долго и неотрывно пялился на крылатого истукана и ждал, по-даст ли тот признаки жизни. Комар был всё равно что нарисованный.

«Как же это глупо – большую часть своей жизни просидеть вот так, на месте, уставившись в одну точку», – поймал себя на мысли Труфа-нов, после чего вспомнил о сериале, где главный герой в тот момент что-то неистово доказывал коррумпированному инспектору с толстой папкой под мышкой и обезоруживающей пустотой в глазах.

Оставалось посмотреть лишь четыре серии. Примерно по полчаса каждая. И Труфанов поставил себе чёткую цель на вечер: осилить всё до конца. А уже завтра, предварительно хорошенько выспавшись, со свежими силами – за новенький шестнадцатисерийный отечественный шедевр. Тоже про изгоя.

– Сынок, шурпу будешь? – донеслось из кухни. – Сварилась.

Труфанов не ответил. Через минуту мать, в заношенном хлопковом халате и недавно подаренных мужем тапочках-котиках, сама возникла перед сыном. Как всегда, безапелляционно спокойная, словно не было в её жизни ни счастливых, ни трагических минут.

– Кричу, кричу. Не слышишь меня совсем со своими операми мыльными.

– Мам, прошу, не начинай. Говорил же, что мыльные оперы – это у вас с батей. А я смотрю детективы, триллеры, комедии, – уточнил Труфанов и наконец-то пододвинулся к компьютерному столу. – Суп? Да, можно похлебать. Давай, когда батя вернётся, вместе и поедим, ага? А пока – досмотрю.

– Хорошо. Ой, а голова у тебя какая грязная. Сходил помыл бы. И футболку эту брось уже в стирку: ворот весь пожелтевший.

– Досмотрю, помою, брошу.

– Досмотрщик ты мой сгорбленный. – Мать улыбнулась уголками губ, скрестила пальцы и с осторожностью спросила: – Работу не смотрел? Новые вакансии, может, какие появились...

– Да смотрел, смотрел, – неосторожно соврал Труфанов. – Сплошные повара, водители, курьеры, грузчики и менеджеры. Менеджеры, кстати, всякие разные. Зарплаты... хм... тоже разные: есть маленькие, есть ещё меньше, есть совсем мизерные. А по профилю моему вообще ничего нет.

– Так, может, тогда не по профилю попробовать?

– Что попробовать? Мешки на горбу потаскать? Или, как шестёрка, на велике по всему городу помотаться – зажавшимся лодырям пиццу да суши повозить? Даже если и устроюсь, то всё равно через месяц выгонят. Не моё потому что. А хочется сразу своё найти. Чтоб никто потом не придирался, мол, что-то с тобой, дружище, не так, явно темнишь: там месяц поработал, там два, там полтора, там и вовсе пару дней... Не, ну честно, мам, послушай: мы на паперти, что ли, стоим и медяки выклянчиваем?

– Нет, не стоим, нет. Но это, сынок, потому, что государство о нас, стариках, беспокоится. А так бы уже померли с голоду, если б не пенсия. Дачу-то, сам знаешь, не потянем. Здоровье не то.

– Да никто о вас... о нас не беспокоится, – огрызнулся Труфанов, чуть склонив голову на левый бок. – Прекращайте уже хапугам этим оды распевать. Они вам – подачки, а вы и рады по уши, как будто большего не заслужили. Мама, пойми, если бы государству было не всё равно, то батя бы со своими ухайдаканными ногами не батрачил у этих бородатых на стоянке сутки через двое. Он бы на диване дома спокойно лежал и телевизор смотрел, потому что его трудовые заслуги оценили по достоинству. Да и мой диплом не пылился бы на полке зря. Ну вот кому я, скажи, со своим историческим нужен сегодня? На факультете только лизоблюдов пристраивают. В школу на копейки идти и кому-то с нуля что-то доказывать – смысла не вижу. А в других сферах меня...

– Что ж теперь, – перебила мать, сохраняя нейтральный тон в голосе, – совсем без стажа, без денег сидеть?

– От вашего с батей стажа много, что ли, толку? – сразу нашёлся сын. – А деньги... Сама знаешь, пишу иногда курсовые на заказ. Зато не надо ни перед кем пресмыкаться, никому штиблеты целовать. Да и не объедаю я вас особо: девок не вожу, не курю, не пью, на шмотки не клянчу. Интернет есть, и ладно.

– Мне не жалко, ты не подумай, – будто оправдываясь, ответила мать и убрала прядь седых волос с блестящего, почти без морщин, лба. – Никто ж тебя не обвиняет. И на улицу подавно не гонит. Ты наш сын. Единственный. И мы тебя любим. Пускай ты даже целыми днями из-за своего компютера не вылезашь.

– Опять...

– Просто сам-то ты как думаешь на пенсию себе зарабатывать? Просидишь так всю жизнь... Мы ведь с отцом не вечные.

– С нашими властями до пенсии всё равно не доживёшь. Наоборот, только себя угробишь, пока на благо этих жуликов ненасытных горбатиться будешь. На ваши с батей болячки смотрю и думаю: разве оно того стоит? Лучше уж я по-спартански поживу. Зато сам себе господин и совесть чиста. Помру молодым, и замечательно: не хватало ещё, чтоб за мной кто-то утку выносил.

Мать, прикрыв глаза, неодобрительно покачала головой, но продолжать дискуссию не стала и неспешно покинула комнату сына. Тот, глядя ей вслед и прокручивая в голове всё сказанное и услышанное, безуспешно пытался уличить себя хотя бы в маломальской лжи.

Переведя взгляд на кресло, поперёк которого лежал отцовский косяк, Труфанов вдруг нахмурился. Он прошептал что-то невразумительное, сам ничего толком не расслышав, и театрально махнул рукой.

По-прежнему покоившийся на одном месте комар-долгоножка, вероятно, от внезапного дуновения со стороны, сорвался-таки со стены вниз. Труфанов заметил мельтешение над монитором и недовольно уставился на мелкое крылатое создание, неуклюже бьющееся о непреодолимую преграду.

Звучный шлепок размазал комара по стене.

– Ну, и кто здесь батька? – ухмыльнулся Труфанов, ещё несколько секунд победоносно глядя на неказистое тёмное пятно на обоях. – Не рыпаться мне тут!

Он перевёл взгляд обратно на убийственно мерцающий экран монитора. Правая рука сама потянулась к липкой компьютерной мыши, чей чёрный пластиковый корпус окаймляли серые отметины высохшего пота.

Пролистав в новостной ленте социальной сети полтора десятка ничем не привлекательных публикаций, Труфанов тормознул на заметке про торжественное награждение какого-то высокопоставленного чиновника, чья отъевшаяся физиономия едва умещалась на прикреплённой фотографии. Судя по комментариям подписчиков скандально известной группы, представитель власти мог быть причастен к убийству двухлетней давности.

Тогда в гаражном массиве на окраине районного центра обнаружили труп владельца «Короллы», которая тремя неделями ранее попала в аварию с участием упомянутого чиновника. Мордастый на своём чёрном джипе вылетел на встречную полосу. Пострадавший чудом выжил и уже через час сподобился рассказать приехавшим телевизионщикам о притязаниях на возмещение нанесённого ему ущерба. Однако у следствия на статусного лихача не нашлось ровным счётом ничего – ни после аварии, ни после обнаружения жмурика. Поговаривали, дескать, за долгие годы госслужбы чиновник не запятнал себя тёмными делишками, и вообще чист настолько, что комар носа не подточит.

«Никакой пользы обществу не приносят и такие деньжищи гребут, – яростно застучал Труфанов по клавиатуре. – Живут за наш счёт, с наших налоговых отчислений кормятся и нас же никчёмными, бесправными тварями считают. А попробуешь пикнуть – сразу раздавят».

«Пикнуть?! Да они любого, кто просто у них перед носом вертится и одним своим присутствием раздражает, готовы уничтожить, – парировал пользователь Митяй Ворон, скрывавший свою истинную личину за аватаром в виде тёмного пятна, которое при детальном рассмотрении слегка напоминало кричащую птицу. – Чрезмерная власть и ощущение безнаказанности любому голову вскружат».

«Полностью согласен с тобой, дружище», – прищурившись левым глазом и кривовато улыбнувшись, ответил виртуальному незнакомцу Труфанов, и по его немытому телу разлилось приятное тепло.